

Ливень хлестал по крыше, гулко отдаваясь в ушах Фу Гэ, будто там притаилось целое гнездо разъярённых ос. Сердце же горело на медленном огне, жар болезненно просачивался в каждую клетку.

Дождь лил уже полчаса, а Фу Гэ сидел на балконе целых шесть часов.

Телефон на столе разрывался от звонков, но он будто ничего не слышал. Зелёное растение на подоконнике уже было безжалостно ощищено, листья смяты в руках.

Он лучше всех понимал, чем грозит сделка с железой. У Ци Ханя было не больше пятидесяти процентов шансов вернуться живым. С того момента, как тот вышел за порог, мозг Фу Гэ словно застопорился, не желая работать.

Даже он сам не знал, чего именно ждал.

Тех пятидесяти процентов?

Или же других пятидесяти...

Когда Ци Хань вернулся, он был промокшим до нитки. Вода стекала по длинному плащу, капала на пол тяжёлыми каплями.

Фу Гэ, будто слышав его шаги сквозь шум ливня, тут же сорвался с места и распахнул дверь.

— А Хань? Как ты умудрился так промокнуть! Скорее заходи! — Он схватил его за запястье и потянул в тепло комнаты. Но пальцы вдруг наткнулись на что-то липкое и тёплое.

Фу Гэ резко остановился, взглянул на ладонь и побледнел. Кровь.

Зрачки его дрогнули, в глазах промелькнуло отчаяние. Он торопливо поднял взгляд на Ци Ханя, побелевшие губы дрогнули:

— Ты ранен... Ты же... Ты же истекаешь кровью! Это серьёзно?!

Он, не раздумывая, метнулся к нему, трясущимися руками пытаясь расстегнуть рубашку, осмотреть грудь и шею. На его лице застыла такая тревога, что это невозможно было сыграть.

Ци Хань чувствовал, как дрожат пальцы Фу Гэ, как тот судорожно сглатывает и даже дышит едва слышно, будто боясь навредить ещё больше.

— Гэ волнуется за меня? — тихо спросил он.

На самом деле, он хотел спросить:

“Гэ может волноваться за меня? Я думал, ты хочешь, чтобы меня убили прямо там, на дороге.”

Всё это время он не знал, связаны ли охотники за железами с планом Фу Гэ.

Фу Гэ знал и время начала аукциона, и даже то, что его перенесли на час. Он точно знал, где окажется железа, и вся информация, что дошла до Чэнь Сина, шла именно от людей Фу Гэ.

Если он мог устроить это, значит, мог и организовать засаду по дороге, подстроив так, чтобы его убили охотники. А потом, когда полиция возьмётся за дело, сразу выпустить все данные о незаконной сделке.

Идеальный план — одним выстрелом сразу двух зайцев. Даже пальцем не пошевелить.

Эта мысль не переставала сверлить его мозг, пока Ци Хань не увидел, как в глазах Фу Гэ полыхнула настоящая паника и ужас.

Фу Гэ метнул на него испуганный взгляд, чуть ли не сердито прошипел:

— Ты весь в крови! Кого мне ещё волноваться, как не тебя? Как вообще можно с обычной встречи вернуться вот в таком состоянии?!

Но договорить он не успел — Ци Хань вдруг шагнул вперёд и крепко обнял его, прижимая так, что холодная вода с его плаща тут же впиталась в одежду Фу Гэ.

От мокрой ткани несло дождём и бензином:

— Я попал в аварию по дороге. — Он говорил тихо, голос чуть хрипел. — Машину перевернуло, я вылетел прямо на асфальт, там ещё и утечка бензина была... Это было так опасно. Я... Я правда думал, что больше не вернусь...

Фу Гэ вздрогнул, сердце болезненно ёкнуло в груди. Он несколько раз бесшумно вдохнул, будто пытаясь унять эту странную дрожь, и лишь спустя долгую паузу несмело обнял его в ответ.

— В следующий раз будь осторожнее. В такой ливень не надо было торопиться домой, мог бы остаться в компании и переждать, это ведь то же самое... — тихо пробормотал он, будто укоряя.

Ци Хань прижал его крепче, удовлетворённо уткнувшись носом в его шею, словно человек, который уже свыкся с мыслью о смертельном диагнозе и вдруг узнал, что жить ему осталось не

несколько дней, а целых несколько месяцев.

Смех сорвался с его губ глухо и надтреснуто, и он на миг закрыл глаза, позволив себе хотя бы сейчас расслабиться.

“Мне не нужны годы.

Мне хватит и двух месяцев.

Я просто хочу, чтобы в день нашей свадьбы вокруг цвели жёлтые жасмины...

И чтобы моё имя оставалось чистым.”

“Если бы папа мог прийти на свадьбу вместе с мамой, он бы тогда не подумал, что я их опозорил...” — с горечью подумал Ци Хань, стискивая пальцы на спине Фу Гэ.

— Надо было возвращаться, а то торт так и не доели, — пробормотал он, бросив взгляд на стол. Но там было пусто.

Фу Гэ не ожидал, что он вообще вспомнит про торт, и смущённо отвёл глаза:

— Я... думал, ты вернёшься только завтра, так что доел его сам...

— Да ладно? Даже мой кусок съел? — Ци Хань не удержался от смешка и, пока тот краснел, наклонился и игриво ущипнул его за нос. Вроде бы и смеялся, но в глубине души было тепло от мысли, что Фу Гэ не брезгует есть после него.

— Гэ снова потянуло на сладкое? — с прищуром спросил он, вроде бы насмешливо, но в глазах было столько нежности, что даже самому себе стало неловко.

Фу Гэ всегда любил сладкое. И картошку фри, и всякий другой фаст-фуд. Ци Хань когда-то даже переживал, что тот испортит зубы и желудок, ворчал постоянно, хмурясь. Но стоило Фу Гэ, с полуприкрытыми глазами, вцепиться в него после поцелуя — и все упрёки тут же испарялись, язык заплетался, и ворчать получалось неубедительно.

— Совсем немного, — пробормотал Фу Гэ, смущённо поправляя ему воротник и мягко толкая к двери: — Доктор сказал, что много сладкого мне нельзя. А ты иди, прими тёплую ванну, переоденься. И не вздумай простудиться.

— Мне кажется, я уже простудился... — Ци Хань капризно вытянул фразу, цепляясь за его рукав. — Потрогай, лоб же горячий?

— Правда? — Фу Гэ испуганно поднял руку и осторожно коснулся его лба. Тот действительно оказался теплее обычного, хоть и не горячий.

— Кажется, да... Позвать врача?

— Не надо, Гэ лучше любого врача справится.

Ци Хань глядел на него сияющими глазами, а на губах играла едва заметная, но тёплая улыбка. Взгляд был таким пылающим, что Фу Гэ невольно залился краской и, нервно сглотнув, пробормотал:

— Опять за своё... Ты что опять задумал... Мы ведь только днём...

Воспоминания о том, как они делали торт, тут же вспыхнули в голове. Мокрая от крема рубашка, заляпанный фартук и смущённые взгляды. Фу Гэ и до сих пор не успел постирать испачканные штаны и фартук.

Ци Хань видел, как он смущается, и сердце сразу стало мягким, тёплым. Он потянулся вперёд, уткнулся носом в его щеку и тихо пробормотал:

— Да что я могу задумать, Гэ? Я просто хочу, чтобы ты рядом лежал. А если я и правда простужусь и свалюсь без сознания, кто тогда меня поднимет, а? Какой я несчастный...

Так жалобно говорил, что не согласиться было уже просто невозможно.

Фу Гэ только обречённо вздохнул и кивнул, словно уступая настойчивому ребёнку:

— Ладно, только сначала прими душ, а я пока достану полотенца.

Фу Гэ зашёл в ванную, чтобы набрать воды, достать полотенца и оставить чистую одежду. А Ци Хань остался в гостиной, стянул промокший плащ, встряхнул его и повесил на стул.

В этот момент его взгляд случайно зацепился за альбом на тумбочке у кровати. Альбом лежал открытым, несколько страниц были небрежно загнуты.

Ци Хань невольно замер. Он всегда любил смотреть, как Фу Гэ рисует — ещё со старших классов школы.

Те чёткие или беспорядочные линии каким-то волшебным образом всегда умиротворяли. Всё раздражение и тревога будто бы растворялись в этих узорах, оставляя после себя лишь тишину и теплоту.

Раньше Фу Гэ чаще всего рисовал его. Теперь же — разве что иногда изображал плюшевого медведя, и то только для вида, чтобы разыграть перед ним привычную сцену.

— Интересно, что он сегодня рисовал... — пробормотал Ци Хань вполголоса, поддаваясь искушению и поднимая альбом.

На первой странице была аккуратно нарисован белый боярышник. Лепестки вырисованы тонкими линиями, а под ними — пара строк мелким почерком:

“Конец сентября. Состояние заметно улучшилось. Кажется, чувствую запах цветов с нижнего этажа, но не уверен, какие именно.”

— Не уверен, какие, и сразу боярышник?.. — усмехнулся Ци Хань, но уголки губ быстро дрогнули и опали.

Он всё ещё помнил, как когда-то на школьной площадке, прямо за баскетбольным кольцом, росли деревья боярышника. Как только поднимался ветер, Фу Гэ всегда норовил встать под ними и ловить белоснежные лепестки, что срывались и кружились в воздухе.

Ци Хань тогда прятался за углом, наблюдая, как глупо и трогательно тот ловил несколько несчастных лепестков. Хотя Фу Гэ давным-давно знал, что он там.

За первой страницей шло пять или шесть пустых листов, и только потом появилась вторая картина — на этот раз это был колокольчик.

Под ним тоже стояла надпись:

“Конец октября. Почуял его запах.”

Ци Хань застыл, не в силах пошевелиться. Пальцы дрогнули, едва не выпустив альбом. Глаза болезненно заслезались.

— Колокольчик... Это о моём феромоне?.. — прошептал он, не веря собственным словам.

Бета не могут чувствовать феромоны альфа, разве что... Разве что это была пожизненная метка.

Если бета был однажды помечен, его тело само начинало узнавать запах альфы, пусть и смутно, пусть и не явно. Вне зависимости от расстояния.

— Значит, этот рисунок... для меня?

Он буквально не мог поверить. Кроме плюшевого медведя и того несчастного портрета, похожего на траурный, Фу Гэ рисовал ещё что-то.

Для него.

Ци Хань торопливо переворачивал страницы, пальцы уже заметно дрожали, пока он не добрался до третьего рисунка.

Фиалка.

Он даже не успел прочесть мелкие строки под ней, как сердце болезненно сжалось, словно в него всадили нож, но лезвие предварительно вымазали мёдом.

Дыхание оборвалось.

— Как... это возможно... — голос его сорвался.

Боярышник, колокольчик, фиалка...

Их цветение не могло приходиться на сентябрь или октябрь. Но эти три цветка были в том самом старом альбоме, который Фу Гэ нарисовал для него, когда им было по восемнадцать.

Цветы, которые тогда появлялись на каждой пятой или шестой странице. Цветы, которыми Фу Гэ когда-то завершал каждый месяц.

Так чем сейчас занят этот маленький бета?

В голове Ци Ханя внезапно всплыл такой невероятный ответ, что сам он не мог в него поверить:

Он восстанавливает тот сожжённый альбом с рисунками... В качестве моего последнего подарка перед смертью?

Словно утопающий, схватившийся за спасительную древесину, Ци Хань, весь дрожа, развернул четвёртую страницу.

Он даже не посмел взглянуть сразу, сперва прикрыл рисунок ладонью, вспоминая порядок цветов в том, сгоревшем альбоме, и мысленно прошептал: Сирень.

Затаив дыхание, убрал руку.

Это действительно сирень...

Слеза мгновенно скатилась по щеке. Никто не смог бы понять, какое отчаяние и восторг смешались у него в этот момент.

Ци Хань не знал, как описать свои чувства — казалось, пламя вспыхнуло в горле, взвилось вверх, воспаляя сознание, и рухнуло обратно, взрываясь в раскалённом масле.

— Разве я заслуживаю того, чтобы Гэ готовил всё это для меня?..

Он уже смирился со смертью в одиночестве. Но он никак не мог представить, что Фу Гэ восстановит этот альбом до его смерти.

Это чтобы он ушёл без сожалений? Или... Фу Гэ всё-таки не смог допустить, чтобы он отправился в последний путь ни с чем?..

Ци Хань быстро пролистал оставшиеся страницы — порядок и частота появления цветов в точности совпадали с воспоминаниями о сгоревшем альбоме.

Тяжело дыша, Ци Хань с трудом перевернул последнюю страницу. В этот момент он почти подумал, что всё это сон, и первой его реакцией было поднять руку и отвесить себе пощёчину.

Жгучая боль на щеке тут же подтвердила реальность происходящего, потому что на последней странице был набросок двух обручальных колец.

На внутренней стороне кольца побольше был выгравирован витиеватый символ — буква Ц.

— Я окончательно свихнулся... — прошептал он.

Это было галлюцинацией на грани безумия?

Ему даже казалось, что он недостоин последних чувств Фу Гэ.

Значит, та фраза маленького беты в ту ночь, когда он просил о свадьбе — “Купить первые попавшиеся кольца не слишком ли это небрежно?” — была сказана всерьёз.

Фу Гэ действительно хотел устроить ему настоящую свадьбу, даже в последние минуты.

Сердце Ци Ханя трепетало.

Альбом, кольца... Что дальше?.. Неужели будут и те ленты-браслеты?

Он снова и снова рассматривал наброски колец, пока взгляд не упал на строку мелким почерком под ними:

11 марта. Моя новая свадьба.

Его брови слегка дрогнули. В глубине глаз мелькнула тень сомнения: Почему 11 марта? Неужели ошибка? Их свадьба ведь должна быть 26 февраля...

Из ванной послышались шаги. Фу Гэ, закончив набирать воду, окликнул его, пригласив идти мыться.

Ци Хань больше не мог сосредоточиться на этих мелочах. Он аккуратно положил альбом, сорвался с места и, не раздумывая, подхватил Фу Гэ на руки.

— Эй! Что ты делаешь?! — Фу Гэ воскликнул, хлопая его по плечам.

Глаза Ци Ханя покраснели так, что на них было страшно смотреть. Он осторожно поставил Фу Гэ на пол и, прижимая его к себе, сдавленно прошептал:

— Я не достоин того, чтобы ты делал всё это ради меня... — прошептал Ци Хань.

Фу Гэ, понятия не имея, какой ещё приступ накрыл Ци Ханя на этот раз, фыркнул:

— Что такое? Опять ревёшь? Тебе сколько лет, а ты такой плакса.

— Только когда есть, кому пожалеть, — Ци Хань потерся носом о его шею. — Когда я один, я никогда не плачу.

— А я смотрю, господин председатель Ци этим даже гордится, да? — Фу Гэ приподнял бровь.

Ци Хань фыркнул, втянул носом воздух и, прижимая его крепче, тихо ответил:

— Да не...

Но договорить он не успел — резкий звонок телефона оборвал его слова.

Ци Хань недовольно глянул на экран:

— Это Чэнь Син. Мне нужно ответить. Гэ, подожди меня чуть-чуть.

Как бы тысяча чертей не тащила его прочь, он всё же нехотя отлепился от Фу Гэ, медленно вышел из палаты и направился к лестничной площадке.

Стоило только нажать кнопку ответа, как в трубке раздался взрывной поток матерщины:

— Ты совсем охуел, да?! Мозги на полке забыл?! Какого хера ты творишь, блядь?!

Ци Хань, прекрасно понимая, что сам виноват, даже не думал перебивать — так и слушал добрых пять минут подряд, пока Чэнь Син не выдохся.

— Ты что, совсем меня игнорируешь?! — наконец разозлённо рявкнул Чэнь Син.

— А с чего бы мне тебя останавливать? — спокойно ответил Ци Хань.

— Да потому что я уже заебался! Если ты не прекратишь меня динамить, как мне вообще остановиться, нахуй?! — взвыл Чэнь Син.

Ци Хань тихо рассмеялся:

— Ну раз выmaterился вдоволь, хватит уже. Сиди там смирно. Придёт время — я сам тебе скажу, когда возвращаться.

— Да чтоб тебя, сука! Я тут от скуки сдохнуть можно, а ты мне — “жди”! Я уже так задолбался! — заорал Чэнь Син, но вдруг его голос резко стих, и он почти обречённо пробормотал:

— Гэ... он собирается жениться.

— Ци Чуань?

— Да, блядь. — Чэнь Син горько усмехнулся. — Ты мне скажи, какого хуя он тогда вернулся? Чтобы поиграться со мной, а потом жениться на ком-то другом? Я что, ёбаная игрушка какая-то, чтоб меня так швыряли?

Улыбка медленно сошла с лица Ци Ханя. Он тяжело выдохнул, прикрыв глаза:

— Когда?

— 11 марта. В его день рождения. Круто, да? Прямо символично, чтоб его.

Дыхание на мгновение застыло в лёгких. Ци Хань резко вскинул голову, его голос прозвучал почти беззвучно:

— Какое число? От кого ты это слышал?

— 11 марта, ну. От его секретаря. Они уже и приглашения разослали. А что такое?

В тот же миг раздался резкий звук — телефон выскользнул из пальцев и упал на пол.

Ци Хань сделал шаг назад, будто обжёгся, и застыл в оцепенении.

Как... как это возможно?..

Он напоминал растерянного ребёнка: судорожно вцепился пальцами в волосы на лбу, а лицо вспыхнуло так, будто его окунули в кипяток.

— 11 марта... Свадьба Ци Чуаня... Ци... Ц...

Словно его бросили в ледяную прорубь, Ци Хань замер, холод пронизал до костей. В одно мгновение все нелепые надежды разлетелись вдребезги, как стекло.

— Кольца... не для меня...

А альбом?

Фрагменты воспоминаний с глухим стуком сложились в целую картину: на тех страницах не было ни одного знака, который принадлежал бы только ему. Даже единственный цветок — колокольчик, связанный с его феромонами, — потерял свою уникальность.

Потому что феромоны Ци Чуаня тоже пахли колокольчиком.

Значит, Фу Гэ учуял феромоны Ци Чуаня...

Кольца и альбом предназначались ему. И 11 марта — это не моя свадьба. Это свадьба моего любимого и его... любимого.

Поэтому это и называется “новая свадьба”?

— А я тогда?.. — хрипло выдохнул Ци Хань, и голос дрогнул, словно сломанная струна. — А обещанная мне свадьба тогда где?

Он еле переставлял ноги, будто из него выкачали всю кровь и силы, как из истощённого мертвеца. Чем сильнее его трясло от восторга несколько минут назад, тем глубже сейчас затягивала пропасть отчаяния. А самое острое лезвие всегда ждёт в следующую секунду.

Сквозь стеклянную перегородку он увидел, как Фу Гэ наливает стакан молока, бросая туда таблетку. В мусорном ведре рядом валялись крошки от торта.

Фу Гэ никогда не пил молоко перед сном, так что эта таблетка была предназначена ему. А оставшийся кусок торта он так и не съел — давно выбросил его.

С каким лицом я вообще посмел надеяться на альбом и кольца?.. Молоко с ядом и выброшенный торт — вот всё, что мне положено.

До конца оставалось два месяца, а Фу Гэ уже не мог дождаться.

Ци Хань смотрел сквозь стекло, как парализованный, ощущая себя главным героем трагикомедии. Наконец-то всё стало на свои места: теперь он понял, почему аукцион железы назначили на такую раннюю дату.

Потому что Фу Гэ с самого начала не собирался дожидаться той свадьбы.

Пальцы коснулись холодного стекла, дрогнули:

— Гэ... ты ведь никогда и не думал жениться на мне...